

Надписи и тамги горы Дэл-ула (к речевым и культурным особенностям Центральной Монголии в VIII—X вв.)

Тюркологической наукой надежно установлено существование особой формы письменной речи, общей для азиатских рунических памятников. Этот ранний литературный язык, так называемое руническое койне, отличается обработанностью (отчетливый наддиалектный характер, полученный сплавом нескольких морфологических начал и строгой фонетической нормированности, богатая и устойчивая фразеологическая формульность, функционально-стилистическая вариативность и др.) [Тенишев 1976а, 1976б, 1979, 1983, 1988; 2005: 78—91; 2006а: 36—52, 178—186, 203—217; 2006б: 151—160; 2011: 155—159]. Тем самым, при проведении исторических исследований в языкознании следует ясно осознавать: рунические надписи отражают правильную межнациональную речь образованного сословия раннего средневековья и этим противостоят разговорным народным языкам того времени. Прямое сопоставление письменной речи, зафиксированной руническими памятниками, с любым живым разговорным языком наших дней способно выявить, прежде всего, лишь общее типологическое сходство тюркских языков как таковых.

Однако в единый литературный язык памятников рунической письменности иной раз все же попадали местные особенности и диалектизмы, свойственные устной речи раннесредневековых писарей. Выявление таких черт разговорных языков и их анализ составляет самостоятельную задачу тюркской рунологии в целом и ее отдельных отраслей в частности. Работа над этим проводилась и проводится [Древние тюркские диалекты 1971; Тенишев 1976а; 2006б: 151—160; Кызласов 2003а, 2003б, 2015]. Новые находки продолжают пополнять наши знания в этой важной области. Быть может, особенно интересны и важны здесь лишённые эпитафийной каноничности наскальные рунические надписи, представляющие одну из областей хотя и сакрального, но массового применения письма.

В 1987 г. в пади Баруун Билун горы Дэл-ула (Ульзийт сомон Среднегобийского аймака) сотрудники Института истории Академии наук Монголии Д. Хуухэнбаатар и Т. Санжмятав обнаружили расположенные на одной скальной поверхности изображения, многочисленные тамги и две рунические надписи. В 1995 г. воспроизведение письменного памятника было издано в монографии Т. Санжмятава (недоступной для меня). В том же 1995 г. граффити были скопированы студентом-историком Монгольского госуниверситета Ю. Болдбаатаром, а в 1997 г. им же опубликованы в хорошей прорисовке. В том же и следующем году две работы этому руническому памятнику посвятил Ц. Баттулга (обе публикации остаются мне неизвестными). Оправданное стремление ввести новые надписи в широкий научный оборот побудило Ю. Болдбаатара прислать отгиску своей публикации и хорошие фотоснимки надписей автору этих строк. Результатом стала предварительная публикация нового варианта прочтения надписей Дэл-ула I и II [Кызласов 1999а: 183—184]. Вскоре историю обнаружения и издания строк Дэл-ула, их автографию (в четыре строки), транслитерацию, прочтение и перевод на казахский язык обнародовал Н. Базылхан [Базылханулы 2000: 74—76]. Из его статьи мною и почерпнуты ныне сведения по монгольской части библиографии предмета исследования. В 2004 г. вышла моя подробная разработка начертаний горы Дэл-ула, основанная только на предоставленных к тому времени данных Ю. Болдбаатара [Кызласов 2004а].

Исследование Ю. Болдбаатара [Болдбаатар 1997: 26—36] проведено наиболее подробно. Надписи воспроизведены в нем точным руническим набором, предложены их прочтение (транскрипция) и перевод на русский язык, а также подробный палеографический, лексический и исторический комментарий. Произведен и сравнительный анализ близлежащих тамговых знаков. Нельзя не отметить, что молодой ученый применил правильный и хорошо отработанный им подход к древнему письменному памятнику.

Обе надписи читаются Ю. Болдбаатаром как связанный текст: (I) *tjirik(a)n(i)m : ig (ä)t(ü)k(ä)n : buŋ(a)k j(o)k* (II) *(ä)lig (ä)r (a)b(i)či : t(ü)l(ü)k : (a)č j(a) (a)lp(i)n : (a)ltim(i)s kul(a)n öl(ü)rtim : (a)li t(ä)g t(ä)bi öl(ü)rt(i)m : jig(ä)rmi böri öl(ü)rt(i)m* '(I) Хан Небо и гений (дух) Этюкен без скорби (сделайте). (II) Хозяин улуса муж Абици, величественный, Меткий богатырь Хорчи (стрелок) убили шестьдесят куланов, бурого горного козла, дикого верблюда и двадцать волков'.

Сходным образом воспринимает две надписи как единый текст и Н. Базылхан. Следует заметить, что, предлагая иную транслитерацию и транскрипцию ряда мест, этот исследователь не во всем следует собственной вполне точной автографии рунических знаков [Базылханулы 2000: 75]: (I) *t(e)ŋri q(a)n(i)m a ig (ö)tük(e)n a buŋ(i)m joq a* (II) *(e)lik (e)r b(a)ši a tuluq a (ü)č (a)j (a)lp(i)n a (a)ltm(i)š qul(a)n öl(ü)rtim a (a)li t(e)g(i) t(e)bi öl(ü)rt(i)m a j(e)g(i)rmi böri öl(ü)rt(i)m a*. Предложенный Н. Базылханом перевод приво-

дить не буду: для казахского текста мне не достает шрифтов, изложение по-русски неизбежно станет истолкованием. Чтение надписей Дэл-ула монгольским и казахским тюркологами следует сравнивать не столько друг с другом, сколько с самими руническими надписями (Рис. 1—3). Мое понимание камнеписных строк горы Дэл-ула отличается от мнения этих исследователей.

Судя по фотографиям, раннесредневековые тамги и надписи (а ранее их всех — антропоморфные фигуры) были нанесены не на отвесную скалу, а на плоский выход сланцевой породы, едва возвышающийся над поверхностью. Подобное размещение рисунков и надписей не характерно для Южной Сибири, но вполне обычно для Северо-Западной Монголии (см., например, [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj 2001, v. II]) и прилегающей части Горного Алтая, известно в южном Казахстане (Тамгалы, Арпаузен, Кульжабасы) и в Киргизии на Тянь-Шане (Саймалы-Таш, Чолпон-Ата) [Tashbayeva 2001: fig. 1, 41, 45, 56, 63, foto 1, 3, 5—8; Памятники 2004: 43, ф. 4, 2, 5, 48, ф. 5, 2, 88, ф. 8, 3, 122, ф. 14, 1, 2]. В нашем случае люди подходили к камню с двух сторон и, соответственно, по-разному ориентировали изображения и знаки.

Взаимное размещение этих изображений и знаков на плоскости свидетельствует о том, что рунические строки нанесены здесь позднее и рисунков, и тамговых отметок. Первая короткая надпись вырезана на краю справа, когда поверхность камня уже была занята петроглифами. Вторая длинная строка поворачивается направо, уклоняясь от стреловидных фигур, измельчается в средней части, чтобы миновать угловатую тамгу, и обходит выбитую фигуру лучника (Рис. 1).

Учитывая редкость улан-баторского издания, воспроизвожу помещенную в нем прорисовку этого камня (Рис. 2). Должен сказать, что перед нами копия, не тождественная камнеписному памятнику. Сравнение с фотоснимками выявляет условность размещения на рисунке составляющих писаницу частей (прежде всего тамг, а также рисунков и надписей). Сами же знаки (и тамги, и рунические буквы) переданы Ю. Болдбаатаром довольно точно. На фотоснимках, они, судя по всему, чем-то тонированы.

1. Надпись Дэл-ула II

Строка состоит из 63 хорошо сохранившихся знаков и читается справа налево. Для удобства обсуждения предлагаемого прочтения в транскрипцию введены порядковые номера рунических букв.

Транскрипция¹:

(e)lig (er) b5(a)šī {a} tū10 (a)lqu {a} (a)č[a] (a)j15(i)l(i)p(a)n {a} (a)l20tim(i)š q25ul(a)n ö130(ü)rtim {a}35 j(?)iti t40(e)bā ö1(ü)r45t(i)m {a} j(e)g50(i)rmi bō55ri ö1(ü)r60t(i)m {a}

Перевод:

Предводителем пятидесяти воинов все полностью и откровенно рассказано: «Шестьдесят куланов я убил, семь (?) верблюдов я убил, двадцать волков я убил».

Разбор.

1—7. Слово *er* в значении ‘воин’ хорошо известно в эпоху рунического письма [Кызласов 1996а: 82—84]. Насколько знаю, полусотня как отдельное воинское подразделение здесь впервые упоминается в памятнике рунического письма². Названный в надписи командир был профессиональным воином среднего ранга.

8, 13, 19, 35, 48, 63. В этих случаях руна *a / ä* не имеет звукового значения, она последовательно выполняет роль словоразделительной отметки (обособляя словосочетания) и знака окончания надписи. Эта

¹ В транскрипции две подчеркнутые буквы передают один рунический знак.

² Деление на пятьдесят воинов на Дальнем Востоке, вероятно, связано с системой управления страной через каждые пять дворов. Позднее рассматриваемого времени войсковые пятерки, например, составляли десятки и сотни у чжурчжэней в XI в. В источнике читаем: «Группа в пятьдесят человек образовывала самостоятельный отряд» [Кычанов 1966: 276, 278]. Не берясь за решение вопроса, замечу, что в последующие века, возможно, не без воздействия чжурчжэньских традиций на устройство монгольской армии, «у монголов было тяготение к цифрам 50, 500, — передавшееся, очевидно, через татар и Московскую Русь: в стрелецком войске — еще в конце XVII в. — были и пятидесятник, и пятисотный». Однако явление в целом не приходится связывать лишь с монгольской эпохой и государственностью. К XI в. такое войсковое членение существовало у сырдарьинских огузов, поскольку сельджуки принесли его в Малую Азию, с начальниками-пятидесятниками (элли баши, накиб). Отряды по 50 человек еще в XVIII в. имели здесь отдельные знамена. В XIX в. войсковые пятидесятники-пянджабаши были и в Бухаре. Тем самым, с давних времен и в разных землях «организация воинских частей в Азии исходила часто из числа 50». Вместе со всем этим, нельзя не принять во внимание, что, по мысли исследователя, «на какой-то ступени у тюрков была пятидесятиричная система, сложившаяся под посторонним, восточно-азиатским, влиянием» [Гордлевский 1945: 139, 142]. Лежит ли здесь разрешение вопроса? Дело за будущими разработками.

особенность письма хорошо известна в енисейских надписях Русского и Монгольского Алтая и служит их отличительным палеографическим признаком.

9—12. Первое (*tii*) и второе (*alqu*) слова близки по значению: ‘весь, каждый, всякий’. Поскольку *alqu* может выступать в качестве существительного [ДТС 1969: 39, 594], все выражение допустимо рассматривать как парное словосочетание.

14—18. Вновь парное словосочетание, состоящее из глагольных основ: *ač-* ‘открывать, разъяснять, доверить’ и *aj-* ‘рассказывать, толковать’. Первое слово обычно входит в устойчивое выражение в форме деепричастия относительного времени сопровождения [ДТС 1969: 3, 25, 29], показатель которого (*-a*) в нашем случае пропущен писавшим. Второе слово — деепричастие относительного времени предшествования, образованное с помощью аффикса *-ipan* от глагола в страдательном залоге (*ajil-*).

Три последующие части надписи (20—34, 36—47, 49—62) передают прямую речь и содержат перечень охотничьей добычи. Построены они одинаково: числительное — существительное — глагол *öl-* в побудительном залоге (*-ür-*), прошедшем времени 1-го лица ед. числа (*-tim*). Благодаря этому и равносложности каждой из частей (имеющих по 8 слогов), они воспринимаются как рефрен общепринятой фольклорной повествовательной формы.

20—24. Привлекает внимание совершенно ясное написание здесь числительного ‘шестьдесят’ не в виде привычного *altmiš*, а как трехсложного слова *altimiš*, не отмеченного «Древнетюркским словарем». Среди современных языков эта форма слова существует только в киргизском (*алтымыш*) и караимском (*алтымыш* и *алтымыс*) [Юдахин 1965: 52; Севортьян 1974: 141], а также, как один из вариантов, — в саларском (*alt'imuš*) [Тенишев 1963: 24; 1975: 121]³. Э. В. Севортьян писал об этом: «Форма *алтымыш* должна быть исторически старше *алтмыш*, хотя нельзя исключить и возможность эпентезы в этой фонетической модификации рассматриваемой основы» [Севортьян 1974: 141]. Наша надпись, хотя и является, по-видимому, древнейшей фиксацией формы *altimiš* (или, согласно рунической орфографии, *altimis*), не поможет, вероятно, разрешить вопрос о времени ее возникновения. Если вставка гласного произошла, то ранее IX—X вв., поскольку этим периодом в самом общем виде может быть датирована публикуемая надпись. Существенным кажется иное.

Altimiš отличает нашу надпись от лексических норм литературного языка рунических памятников, следовательно, эта форма связана с разговорной речью писавшего. При учете палеографических особенностей, обсуждаемых далее, автор камнеписного текста был местным жителем, следовательно, в разбираемом случае мы встречаем особенность одного из тюркских языков Центральной Монголии. Принимая во внимание историю Азии, не следует, очевидно, считать случайной лексическую близость анализируемой надписи к языку современных кыргызов. Задумываясь над этим вопросом, необходимо учесть комментарии к знакам 1-5 разбираемой ниже надписи Дэл-ула I.

36—42. Единственное сложное место в разборе надписи. Мое прочтение этих рун противоречит форме знаков как в прорисовке Ю. Болдбаатара, так и Н. Базылхана. Оправданием вносимых изменений служит оговоренное выше единство построения завершающих надпись фраз. Так же, как названные исследователи, я исхожу из того, что перед глаголом должно быть названо животное — объект охоты. Однако видеть *k* вместо ясно прописанного согласного *b*² (характерный облик которого во всем подобен руне 53 в слове *böri* ‘волк’), как это делают предшественники, ошибочно. Допуская значительно меньшую и от того более вероятную правку, я полагаю, что у руны 42 на изданных копиях не отмечен нижний левый отводок (меняющий букву *i* на *a*), и читаю знаки 40—42 как *t(e)bä* ‘верблюд’.

Единственное числительное, которое может быть записано четырьмя предшествующими рунами (36—39) — *jiti* ‘семь’ (фонетический вариант более обычного *jeti*). В этом случае непривычен прямой ствол руны 39 (в прорисовке и на фото Ю. Болдбаатара, но не в передаче Н. Базылхана) и лишним выглядит второй ее штрих. К тому же, по фото (Рис. 1), он нанесен неоправданно близко к верхнему — в других словах руна *g* выведена иначе: см. буквы 3 и 50. Таким образом, буква *g* прорисовок воспринимается мною как *i*. Остается думать, что копиистами неточно распознан и первый знак слова — *j*² (*j*¹?) (36), понятый как *l*¹.

В предлагаемом прочтении этой части надписи могло бы насторожить упоминание верблюдов, когда в тексте речь идет об убийстве диких животных. Но в отношении Монголии это вполне понятно. До сих пор в юго-западной части этой страны («в западной половине эдзингольской Гоби», как писал Г. Н. Потанин) и в пустынях Восточного Туркестана двугорбые бактрианы сохранились в диком состоянии [Потанин: 279'; Лакоза 1971: 524].

53—57. Среди объектов богатырской охоты, характеризующей героя енисейских эпитафий, волки (*böri*) названы дважды. Не всегда указывается, сколько добыл прославляемый на вечном камне умерший

³ На этот факт мне указал Л. Р. Кызласов.

(Е 98)⁴, важнее заметить, что в посмертную заслугу ставилось даже убийство семи этих хищников (Е 11, стк. 4). Поскольку в изучаемой наскальной надписи речь идет о двадцати зверях, несложно понять, насколько удачным был названный в ней охотник.

Охота на куланов (независимо от того, какое животное — дикий осел или лошадь — подразумевается под этим словом в нашей надписи, знаки 25—28) обычно была коллективной [Клеменц, Хангалов 1910: 123, 124]; на волков, как известно, также устраивались облавы. Вполне вероятно, что начальник полусотни, упомянутый в надписи, участвовал в таких конных охотах во главе воинского подразделения. Однако, судя по числу добычи, надпись указывает не результат одной облавы, а итог многолетних личных охотничьих достижений. Эти данные могут, конечно, привлекаться для характеристики фауны тысячелетнего прошлого, но важнее понять цель нанесения на камень надписи такого содержания.

В этом, думается, может помочь анализ окружающих ее иных раннесредневековых граффити: надписи Дэл-ула I и тамговых знаков.

2. Надпись Дэл-ула I

Короткая строка, состоящая из 22 рун, несомненно, является самостоятельным лаконичным текстом. Транскрипция:

t(ä)ñiri5 q(a)n(i)m {a} i10g tük(ä)n {a}15 bun(i)m j20oq {a}

Перевод:

Мой Небесный Повелитель, (хвала Тебе), (поскольку) болезни завершились, у меня нет печали!

Разбор.

1—5. Форма слова, применяемая здесь для обозначения бога, необычна по огласовке. Хорошо известному по руническим памятникам построению слова *täjri* (в написании — *tjri*) в материалах «Древнетюркского словаря» противостоят редкие производные от двусложной основы, фонетически сопоставимой с нашим случаем (*teñir+kän* и *teñir+lik*) [ДТС 1969: 544, 545, 552]. Слова, близкие по звучанию, довольно широко бытуют в современных языках: казахском, каракалпакском, кумандинском — *teñir*, сарыг-югурском — *teñir*, *tejer*, *tejyr*, тувинском — *dejer* и хакасском — *tigir*. Однако это все же не вполне сопоставимо с формой, встреченной в наскальной надписи.

Подобны ей, пожалуй, только варианты, завершающиеся открытым слогом и известные лишь у двух родственных тюркоязычных народов: кыргызов (*teñiri*) и алтайцев (*teñeri*, ср. кумандинское *teñere*) [Татаринцев 1984: 73; Мусаев 1997: 59]. Такое сопоставление (имеющее в виду и бурятское *тэнгэри*) порождает мысль о былом бытовании субстратного для монгольских языков тюркского слова **teñiri* (**teñere* ~ **täñärä*⁵) — формы, возможно, существовавшей в Западной Монголии в рунические времена.

В литературе встречается мнение общего историко-лексического характера: «Форма *täjri*, скорее всего, восходит к **täñiri* с узким гласным второго слога...» [Татаринцев 1984: 80; Хелимский 1986а, 1986б; Хелимский 2000: 248, 257, 260]. Однако с этой позиции сложно объяснить позднее появление изучаемой разновидности слова в рунической надписи, по-видимому, относящейся к IX—X вв.

Существует и иной обоснованный взгляд (обнародованный уже в 1986 г., но не отраженный в работе К. М. Мусаева), находящий сугубо фонетические закономерности происхождения слова *täjri* ‘небо, бог’ от *täjiz* ‘море’. Гипотеза все меняет местами. Исходя из логики замены первоначального *z* на *r* «только в составе консонантного сочетания», следует считать *täjiri* не исходной формой для слова *täjri*, а производной от него: «... допустимо предположить даже вторичность узкого гласного в “несинкопированных” формах» [Хелимский 1986а: 41, 44, 46; 1986б; Хелимский 2000: 248, 257, 260, 262, 263].

Порожденное строкой Дэл-ула I предположение об определенной локальной значимости слова *teñiri* согласуется с отмеченной в надписи Дэл-ула II другой редкой лексической особенностью, сближающей надпись именно с современным кыргызским языком (см. выше разбор знаков II, 20—24).

6—8. Слово *qan* ‘хан, правитель, повелитель’, хорошо известное в рунических эпитафиях, применено здесь с показателем принадлежности 1 лица ед. числа и, судя по предшествующему определению, обозначает бога. Начинаясь надпись словосочетание можно вполне точно передать русским ‘Господи, Боже мой’.

9, 15, 22. Руна *a / ä*, как и в предыдущей надписи (см. выше комментарий к знакам II, 8, 13, 19 и пр.), играет здесь словоразделительную роль и служит знаком окончания предложения.

10—11. Слово *ig* ‘болезнь’ [ДТС 1969: 203] может быть переведено формой как единственного, так и множественного числа.

⁴ Здесь и далее применены общепринятые сокращенные обозначения памятников енисейского письма: Е, порядковый номер надписи, номер строки текста (стк.).

⁵ К **täñärä* предположительно возводят якутское *танара* [Татаринцев 1984: 76].

12—14. Перед нами возвратный залог (-*n*) от глагола *tükä-* ‘завершаться, кончаться’ [ДТС 1969: 595]. Для привычной конструкции здесь, быть может, не достаёт аффикса прошедшего времени *-di*.

16—19. Нередкое в енисейских надписях имя существительное *buŋ* ‘скорбь, печаль’ наделено здесь аффиксом принадлежности 1 лица единственного числа (-*m*).

20—21. Этими знаками записано известное в рунических надписях отрицание *joq* ‘нет’ [ДТС 1969: 124, 272].

3. Палеография и орфография надписей

Сравнение двух надписей горы Дэл-ула создаёт ситуацию, очень интересную для историка ранне-средневековой культуры Азии.

Палеографически изучаемые надписи чрезвычайно близки. Они выполнены не орхонским, а енисейским руническим письмом (на что указывает облик букв t^1 , b^2 , η , m), точнее говоря, его алтайским изводом. О том свидетельствует применение в строке II характерной руны в виде трезубца (II, 6) для обозначения звука ξ [Васильев 1983: табл. 26, 15; Кызласов 1994: табл. XXIV, 34]. Существенная и редкая примета обеих изучаемых надписей — руна b^2 с основанием в виде вертикали — сближает строки Дэл-ула с енисейской эпитафией Бегире (E 11, Тува). На единственной этой стеле последовательно используется для разграничения словосочетаний и фраз не только обычный для эпитафий знак-двоеточие, но и, как на обеих наших наскальных надписях, руна a/\ddot{a} . По всей видимости, текст этой эпитафии составил пришлый на Верхний Енисей писец. В обоих изучаемых наскальных текстах горы Дэл-ула знак a/\ddot{a} применяется также в качестве показателя окончания надписи. Соблюдение такой своеобразной традиции словораздела объединяет наскальные тексты Русского и Монгольского Алтая в единую письменную область и отличает их от прочих рунических надписей Южной Сибири и Центральной Азии.

Ю. Болдбаатар [1997: 29] справедливо отметил своеобразие знаков для b^1 , присущее обоим изучаемым строкам (I, 16; II, 5). Эта особенность, возникающая при манере вырезать букву двумя встречными росчерками, несомненно, указывает не на простое почерковое сходство двух наскальных текстов. Она служит индивидуальным признаком писца: кроме Дэл-ула знаки такого вида неизвестны нигде. По фотоснимку сходство почерков обеих надписей, пожалуй, подтверждается и характерными деталями знаков для *oq* (I, 21; II, 12), r^2 (I, 4; II, 4, 31, 45, 51, 56, 60) и m (I, 8, 19; II, 23, 34, 47, 52, 62).

Енисейская палеография Горного Алтая знает примеры схожести почерков разных надписей, вырезанных на одной скальной плоскости (особенно ясно проявляющейся на разных скальных плоскостях горы Ялбак-Таш близ устья Чуи). Можно полагать, что писавшие получили руническое образование в одном учебном заведении [Кызласов 2003в: 6—8; 2004б: 118—123]. Однако рассматриваемый монгольский случай демонстрирует ещё большую степень сходства — даже без изучения подлинника допустимо заключить, что обе надписи горы Дэл-ула нанесены одним человеком.

Этот вывод поддерживают орфографические особенности надписей. Прежде всего, мы встречаем в обеих довольно редкое для енисейских текстов явление — хотя и непоследовательную, но явную тенденцию к полногласному написанию. Излишнее с позиций классического правописания обозначение узкого негубного гласного i/\ddot{i} отмечается как в начальных, так и в срединных слогах, как в аффиксах, так и в основах слов: (*e*)*lig* (I, 1—3), (*a*)*ltim(i)š* (I, 20—24), *öl(ü)rtim* (I, 29—34), *j(?)iti* (I, 36—39), *t(ä)ŋiri* (II, 1—5), *ig* (II, 10—11). В обеих надписях проявилась привычка к строгому обозначению границ слов и их сочетаний руной a/\ddot{a} (I, 8, 13, 19, 35, 48; II, 9, 15), что привело к появлению у нее функции знака окончания текста (I, 63; II, 22).

4. Тамги близ надписей Дэл-ула

Тамги, вырезанные на камне близ рунических строк, прямо не связаны с анализируемыми руническими надписями. Об этом свидетельствует уже размещение геральдических знаков на каменной плоскости — как было показано в начале статьи (Рис. 1, 2), оно явно свидетельствует, что тамги нанесены ранее текстов. Таким образом, установление времени начертания самих тамг может помочь датировке надписей.

Наиболее примечательны знаки в виде широкой дуги, отходящей от косоугольного основания. Исходя из давно установленного лично-фамильного характера тамговых знаков раннего средневековья и закономерностей изменения их вида от поколения к поколению [Кызласов 1960, 1965], следует безо всякого сомнения заключить, что из семьи, владевшей тамгами, вырезанными на горе Дэл-ула, происходили резчики известных памятных стел Уйгурского каганата — Терхинской и Моюн-чура (50—60 гг. VIII в.), а также, возможно, и Тэсинской [Кляшторный 1980: 95, табл. 1; Кляшторный 1987: табл. 2]. Судя по воспроизведению и фотографии Ю. Болдбаатора (Рис. 2, 3), тамги Дэл-ула принадлежали отцу и сыну

(Рис. 4, 3, 4). Особенно важно, что тамга сына тождественна знаку, известному по стеле Моюн-чура (Могойн Шине Усу), следовательно, относится к 50—60-м гг. VIII в. На фотографии обсуждаемой писаницы (Рис. 3) виден третий знак этого знаменитого рода. Следуя закону видоизменения лично-семейных тамговых знаков, заключаем, что он отделен от старшей тамги двумя поколениями (Рис. 4, 1). Недостающее звено этой генеалогической цепи, возможно, также вырезано на камне: часть тамги попала в кадр Ю. Болдбаатара (Рис. 3, слева).

Так или иначе, но здесь впервые появляется возможность проследить тамги семьи создателей орхонских стел в четырех поколениях, т. е. не менее чем за столетие (Рис. 4). Учитывая размещение названных памятников на землях Монголии, ареал тамг этого типа выглядит весьма значительным. Однако нет оснований связывать владельцев этих тамг с енисейскими надписями. Напротив, надежно установлена связь этих людей с аристократическими памятниками орхонского письма уйгурского периода.

Еще шире оказывается распространение тамг в виде обращенного направо угла (Рис. 2, 3). Они обнаружены не только в Монголии, но и на Горном Алтае. К уйгурской эпохе в Центральной Азии принадлежит подобная тамга, вырезанная в центре плиты Шивет-улан по соседству с тамгами типа стелы Моюн-чура [Ramstedt, Granö, Aalto 1958: 81]. Дополнительные элементы этого знака по публикации не могут быть определены точно. Ю. Болдбаатар приводит три тамги, встреченные у надписи Гурван Мандал, две из которых тождественны знакам Дэл-ула (Рис. 5, 4, 10), а одна принадлежит иной ветви этой же семьи (Рис. 5, 5). Один из подобных знаков (Рис. 5, 4) вырезан среди тамг близ енисейской наскальной надписи Бага Ойгор III [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj 2001, V. II: 389, fig. 997]. Сразу 9 тамг этого типа вырезаны среди прочих на плоскости I горы Ялбак-Таш на Горном Алтае [Кызласов 2004а: рис. 9]. И хотя этот утес содержит 29 енисейских рунических надписей (составляющих 31 строку), ни одна из них прямо не связана с изолированно размещенными тамгами.

Выстраивая геральдический материал в цепочки поколений (Рис. 5), понимаем, что, по крайней мере, четвертое из них могло принадлежать к эпохе распространения на Алтае и в Монголии енисейского письма (Рис. 5, 10—12). Однако именно знак четвертого поколения предшествует на писанице енисейской надписи Дэл-ула II.

Третий тип тамг, который встречен на горе Дэл-ула и может быть датирован, представляет круг с противоположными отводками (Рис. 1, 2). Все подобные знаки отмечены в Монголии. Самый сложный знак этого типа (Рис. 6, 9) высечен рядом с двумя прочими на вершине все той же стелы Моюн-чура (760 г.). Однако он выбит на камне позднее самой памятной надписи, поскольку частично перекрывает ее линовку и размещен на оставшемся свободном тесном участке поверхности [Ramstedt 1913: taf. II, N]. Тамга, вполне сопоставимая с ним по построению, соседствует с енисейской наскальной надписью Тэс I (Рис. 6, 10) и, судя по всему, предшествует этой строке, стесненной на плоскости камня. Показательно, что она выбита рядом с наиболее ранним геральдическим знаком этой серии (Рис. 6, 1), следовательно, до появления надписей скала почиталась несколькими поколениями одной и той же семьи [Шинехуу 1976: рис. 2, 3, 4; Кляшторный 1978: фото 1]. Четвертая встреча енисейской рунической надписи и тамги этого типа, наиболее близкой дэл-улинскому знаку (Рис. 6, 5), это Шарбулак I / 1. Здесь тамга, высеченная ранее, также не позволила тексту занять нужное место (одну из пропущенных букв пришлось дописать под строкою) [Шинехуу 1971: рис. 2]. Таким образом, известные геральдические знаки этой семьи ныне, пожалуй, представляют три из пяти поколений (Рис. 6), а наиболее поздние ступени в их графическом развитии относятся к уйгурскому времени и предшествуют нанесению на скалы енисейских рунических надписей.

Как видим, все три серии тамг, соседствующих с руническими надписями Дэл-ула, относятся к уйгурскому периоду местной раннесредневековой истории, т. е. к середине VIII — началу IX в. Следует заключить, что обычай отмечать личными тамгами почитаемые скалы на Монгольском и Русском Алтае восходит к этому времени и предшествует созданию здесь енисейских по алфавиту надписей. На основании этого обе рунические строки Дэл-ула следует отнести к IX—X вв. В целом же их появление на камне продолжает местную, еще дописьменную, знаковую традицию горных поклонений.

Ради полноты картины остается рассмотреть единственный знак, подобный рунической букве r^2 , нанесенный на камень правее нижнего излома строки Дэл-ула II⁶ (Рис. 2). В его определении нет уверен-

⁶ Н. Базылхан [Базылханулы 2000: 76, 77] публикует автографии еще трех рунических надписей, вырезанных на иных плоскостях горы Дэл-ула (обозначая их II, III и IV). Все они начертаны енисейским алфавитом (см. облик рун s^1 / s^1 , t^1 , m). Последняя из них, многострочная, судя по различному начертанию одних и тех же букв, может оказаться скоплением разнородных кратких написаний. Лаконичность публикации не позволяет уверенно разбирать все эти надписи. Замечу только, что в стк. 4 надписи IV знак в виде трезубца, судя по разобранному выше случаю (Дэл-ула II, 6), означает не \dot{ic} или \dot{c} , а \dot{s} / s , т. е. на скале написано $s(a)r(i)y \dot{c}or : b(e)n$ 'Я — Сарыг-чор' (личное имя и титул).

ности. С одной стороны, он встречается среди явных тамг на упомянутой плите Шивет-улан, т. е. может быть геральдической отметкой. С другой стороны, он известен как несомненная краткая надпись на скале Ялбак-Гаш на Алтае (строка ХХХ), на трех горах в Хакасии (Тепсей, Майдаши, Перевозная) и на одной в Туве (Хая-Бажи XIV) [Кызласов 1999б: 101, 102]. Читается он как *(e)r* и обозначает свободного полноправного мужчину. Вероятно, всюду это личные подписи, не содержащие указания имен. По отраженному в них мировоззрению безымянной личности они, как думается, сопоставимы с более пространственными енисейскими манихейскими надписями, которые, также не называя имени, указывают лишь на принадлежность писавшего к грешному человечеству: *kīši oyl(i)ŋ* ‘твой сын человеческий’ (Алтай, Бичикту-Бом II / 2) [Кызласов 1996б: 128, рис. 2; Кызласов 1997: 180, 181, рис. 8; Кызласов 2000: 90—97, рис. 4—7], *t(ä)ŋri qulī* ‘раб божий’ (Монголия, Гурвалжин-ула) [Кляшторный 1978: 155, фото 2] или *isiz qul* ‘недостойный раб (божий)’ (Тува, Хая-Бажи X, Е 24 / 10) [Кызласов, Кызласов 1994: 40—44, рис. 6, 7]. Аналогии позволяют заключить, что надписи, состоящие из одного слова *(e)r*, оставлены людьми, подчеркивавшими свою обыденность и, как следствие, бренность и греховность, т. е. манихейми. Они были уверены: бог сам знает того, кто к нему обращает молитвы.

5. Манихейское содержание надписей Дэл-ула

Обращение к богу как к господину, предмет благодарения, алфавит и правописание надписи Дэл-ула I — все это определяет ее место среди рунических наскальных молитвенных отметок верующих-манихеев [Кызласов 1997: 165—177; Кызласов 2001: 245, 247, 251, 254, 259; Кызласов 2003в]. Палеографические особенности, как показано, свидетельствуют, что строка II на писанице создана тем же автором. Следовательно, для понимания содержания и назначения обеих надписей Дэл-ула надлежит обратиться к манихейским наскальным надписям. Таковы, прежде всего, камнеписные тексты того же культурного круга — выполненные алтайским вариантом енисейского письма с применением руны *a / ä* в качестве словоразделителя.

Поскольку подробный разбор этого вопроса уже опубликован мною [Кызласов 2004а: 117—121], ограничусь здесь кратким изложением итогов.

Рунические надписи не оставляют сомнения в том, что в манихейских общинах Южной Сибири и Центральной Азии существовали духовники, проводившие регулярные исповедальные обряды [Кызласов 1994: 189, рис. 21; Кызласов 2001а: 248, 249, 255, рис. 4, 3; Кызласов 2003в]. Такой духовник только и мог нанести на камень обе строки Дэл-ула, одновременно содержащие и личное благодарение богу, и рассказ о раскаянии третьего лица. Специальное изучение манихейских исповедальных текстов, предназначенных для литургии, установило, что при обряде покаянные формулы зачитывались священником и лишь подхватывались молившимися мирянами [Виденгрэн 2001: 126—128]. Эта богослужебная практика, очевидно, объясняет отмечаемые в наскальных рунических надписях Горного Алтая упоминания о третьих лицах, за которых молились писавшие [Кызласов 2001а: 246, 248, рис. 1, 1, 4, 2, 6, 1, 7; Кызласов 2003в].

Сказанное позволяет увидеть в надписи Дэл-ула II рассказ проповедника о покаянии, принесенном ему воином и удалым охотником — ведь было «все полностью и откровенно рассказано». Грех состоял в совершенных им ранее убийствах живых существ. Здесь отражено одно из главных установлений манихейства. По словам ал-Бируни, Мани «самым красноречивым образом запрещал резать животных и причинять им боль, а также наносить ущерб огню, воде и растениям», поскольку учил, что «души не умирают и что при своих странствиях они принимают подобие любой оболочки, которую они надевают, и любого животного, в которое они воплощаются, и подобие любой формы, внутри которой они бывают помещены» до тех пор, пока светлое начало не освободится от плоти [Бируни 1957: 211; Бируни 1995: 91, 467]. Манихейскими праведниками эти предписания выполнялись неукоснительно. Тот же хорезмийский ученый приводит рассказ ал-Джахиза о двух манихейях, под побоями промолчавших о проглотившем яхонт страусе, ибо они «считали за грех обречь страуса на смерть» [Ал-Бируни 1963: 41—42].

Для истолкования строки Дэл-ула I учтем существование других наскальных енисейских надписей, благодарящих за прекращение болезней ($\text{𐰇 𐰏 𐰔 𐰃} \Rightarrow \text{𐰇 𐰏 𐰔 𐰃} \text{ } \text{isiz qul bitmiš (e)s(ä)n}$ ‘Недостойный раб (божий) написал (это) (и стал) здоров (~ в знак того, что стал здоров) — Тува, Хая-Бажи X, Е 24 / 10; $\text{𐰇 𐰏 𐰔 𐰃} \Rightarrow \text{𐰇 𐰏 𐰔 𐰃} \text{ } \text{tū(ö)p(e)k : (a)lp sol b(i)t(i)d(i)m (e)s(ä)n ol(urt(i)m}$ ‘Я — Тюпек (~ Тёпек?) Алп Сол написал, благополучным (букв. невредимым) я (здесь) поселился’ — Монголия, Тэс II) [Кызласов, Кызласов 1994: 40—44, рис. 6, 7; Кызласов 1994: 189, 192]. Вероятно, к отметкам такого содержания можно отнести и енисейское граффито на стенной штукатурке жилой пещеры в Яр-хото (Турфанский оазис): $\text{𐰇 𐰏 𐰔 𐰃} \Rightarrow \text{𐰇 𐰏 𐰔 𐰃} \text{ } \text{(e)s(ä)n b(i)tid(i)m}$ ‘я, невредимый (~ здоровый) или: Эсен — имя собств.) написал’ [Кызласов 1994: 197, рис. 29].

Бируни 1995 — *Бируни Абу Рейхан*. Индия / Пер. Халидов А. Б. и Завадовский Ю. Н. М., 1995. {*Biruni Abu Reihan. India / Transl. Halidov A. B., Zavadovskij Yu. N. M., 1995.*}

Болдбаатар 1997 — *Болдбаатар Ю.* Руническая письменность горы Дэл-Ула // Научные работы студентов. Монгольский госуниверситет. № 1. Улаанбаатар, 1997. С. 26—37. {*Boldbaatar Yu. Runic writing of Del-Ula mountain // Scientific works of the students. Mongolian State University. № 1. Ulaanbaatar, 1997. P. 26—37.*}

Васильев 1983 — *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983. {*Vasil'ev D. D. Grafic fund of the monuments of Turkic runic writing in Asia. M., 1983.*}

Виденгрен 2001 — *Виденгрен Г.* Мани и манихейство. СПб., 2001. {*Videngren G. Mani and Manichaeism. SPb., 2001.*}

Гордлевский 1945 — *Гордлевский В. А.* Числительное 50 в турецком языке (К вопросу о счёте в тюркских языках) // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка, 1945. Т. IV. Вып. 3—4. С. 135—147. {*Gordlevskij V. A. Numeral 50 in the Turkish language (on account of counting in Turkic languages) // Reports of AS USSR. Dep. of literature and language, 1945. Vol. IV. Is. 3—4. P. 135—147.*}

ДТС 1969 — *Древнетюркский словарь* / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летягина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л., 1969. {*Old Turkic dictionary / Ed. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V., Let'agina N. I., Tugusheva L. Ju. L., 1969.*}

Древние тюркские диалекты 1971 — *Древние тюркские диалекты и их отражение в современных тюркских языках* / Ред. Батманов И. А. Фрунзе, 1971. {*Old Turkic dialects and their reflection in the modern Turkic languages / Ed. Batmanov I. A. Frunze, 1971.*}

Клеменц, Хангалов 1910 — *Клеменц Д. А., Хангалов М. Н.* Общественные охоты у северных бурят // Материалы по этнографии России. Т. I. СПб., 1910. С. 117—154. {*Klements D. A., Hangalov M. N. Social huntings of North Buryats // Materials on Russian ethnography. Vol. I. SPb., 1910. P. 117—154.*}

Кляшторный 1978 — *Кляшторный С. Г.* Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 151—158. {*Kl'ashtornyj S. G. Runic rock inscriptions of Mongolia // Turkological digest. 1975. M., 1978. P. 151—158.*}

Кляшторный 1980 — *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // Советская тюркология. 1980, 3. С. 82—95. {*Kl'ashtornyj S. G. The Terhin inscription. Preliminary publication // Soiet Turkology. 1980, 3. P. 82—95.*}

Кляшторный 1987 — *Кляшторный С. Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 19—37. {*Kl'ashtornyj S. G. The inscription of Uyghur Begu-Khagan in the northeastern Mongolia // Central Asia. Newfound monuments of writing and art. M., 1987. P. 19—37.*}

Кызласов 1960 — *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, 1960, 3. С. 93—120. {*Kyzlasov L. R. New dating of the monuments of the Yeniseian writing // Soviet archeology, 1960, 3. P. 93—120.*}

Кызласов 1965 — *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965, 3. С. 38—49. {*Kyzlasov L. R. On dating the monuments of the Yeniseian writing // Soviet archeology, 1965, 3. P. 38—49.*}

Кызласов 1994 — *Кызласов И. Л.* Рунические памятники евразийских степей. М., 1994. {*Kyzlasov I. L. Runic monuments of the Eurasian steppes. M., 1994.*}

Кызласов 1996а — *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // Российская археология. 1996, 3. С. 73—89. {*Kyzlasov I. L. Materials on the early Turks' history. I. Earliest information on the army // Russian archeology. 1996a, 3. P. 73—89.*}

Кызласов 1996б — *Кызласов И. Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 124—136. {*Kyzlasov I. L. Three types of the Old Turkic runic orthography // 90-year anniversary of N. A. Baskakov. M., 1996. P. 124—136.*}

Кызласов 1997 — *Кызласов И. Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. L. Budapest, 1997. С. 163—184. {*Kyzlasov I. L. Types of Old Turkic runic orthography. Reflection of the manichaeian written culture in the Enisei and Orkhon written monuments // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. L. Budapest, 1997. P. 163—184.*}

Кызласов 1998а — *Кызласов И. Л.* Священная земля тюрков по руническим надписям // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов. М., 1998. С. 53—55. {*Kyzlasov I. L. Turks' holy land according to the runic inscriptions // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. Report theses. M., 1998. P. 53—55.*}

Кызласов 1998б — *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. История. 1998, 3. С. 8—35. {*Kyzlasov L. R. Northern*

Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia. // *Moscow University Bulletin. History*. 1998, 3. P. 8—35.}

Кызласов 1999а — *Кызласов И. Л.* Наскальная история Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Тезисы докладов IV Международной научной конференции. Томск, 1999. С. 182—183. {*Kyzlasov I. L.* Rock history of the Western Mongolia // Natural conditions, history and culture of the Western Mongolia and neighboring regions. Report theses of the 4th International scientific conference. Tomsk, 1999. P. 182—183.}

Кызласов 1999б — *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999, 4. С. 99—118. {*Kyzlasov I. L.* Materials on the early history of the Turks. IV. Education in the age of runic writing. // RA. 1999, 4. P. 99—118.}

Кызласов 2000 — *Кызласов И. Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. № 5. Горно-Алтайск, 2000. С. 82—112. {*Kyzlasov I. L.* Runic writing monuments in the collection of Gorno-Altai republic local history museum // Antiquities of Altai. № 5. Gorno-Altai, 2000. P. 82—112.}

Кызласов 2001а — *Кызласов И. Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 243—270. {*Kyzlasov I. L.* Change of world-view in the Southern Siberia in the Early Middle Ages (an idea of monotheism in Yenisei inscriptions) // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. M., 2001. P. 243—270.}

Кызласов 2001б — *Кызласов Л. Р.* Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001, 5. С. 83—90. {*Kyzlasov L. R.* Siberian Manichaeism // Ethnographic digest. 2001, 5. P. 83—90.}

Кызласов 2003а — *Кызласов И. Л.* Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С. 283—286. {*Kyzlasov I. L.* Local speech specifics in the Yenisei inscriptions // Desht-i Kipchak and the Golden Horde in the cultural development of the Eurasian peoples. M., 2003. P. 283—286.}

Кызласов 2003б — *Кызласов И. Л.* Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // Письменное наследие тюрков. Кызыл, 2003. С. 17—20. {*Kyzlasov I. L.* Otlichitel'nye osobennosti runicheskoj pis'mennosti Tuvinskoj kotlovinny // Pis'mennoe nasledie t'urkov. Kyzyl, 2003. P. 17—20.}

Кызласов 2003в — *Кызласов И. Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М., 2003. {*Kyzlasov I. L.* Novosti t'urkskoj runologii. Is. 1. Enisejskie nadpisi na gore Jalbak-Tash (Gornyj Altaj). M., 2003.}

Кызласов 2003г — *Кызласов И. Л.* Роль религии в развитии письменности: енисейские рунические надписи // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 43—52. {*Kyzlasov I. L.* Role of religion in the development of writing: Yenisei runic writing // Buddhism and Christianity in the cultural heritage of the Central Asia. Bishkek, 2003. P. 43—52.}

Кызласов 2004а — *Кызласов И. Л.* Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 104—122. {*Kyzlasov I. L.* Boldness of a knight and piety of a priest (Shahanshah Varahran I, prophet Mani and runic inscriptions of the Del-ula mountain in Mongolia) // Monuments of archaeology and ancient art of Eurasia. M., 2004. P. 104—122.}

Кызласов 2004б — *Кызласов И. Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л. Р. Кызласова. М., 2004. С. 111—129. {*Kyzlasov I. L.* Manichaeian monasteries in Gornu Altai // Antiquities of the East. Collected articles on account of 80-year anniversary of professor L.R. Kyzlasov. M., 2004. P. 111—129.}

Кызласов 2015 — *Кызласов И. Л.* К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII—XII вв. // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov.* Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова. М., 2015. С. 195—206. {*Kyzlasov I. L.* On selecting the autochthonic runic monuments of Tuva in 8th-12th centuries. // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov.* Collected articles on account of 80-year anniversary of D. M. Nasilov. M., 2015. P. 195—206.}

Кызласов, Кызласов 1994 — *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) // Российская археология. 1994, 1. С. 33—50. {*Kyzlasov L. R., Kyzlasov I. L.* A new stage in the development of the Yenisei writing (late 13th — early 15th centuries) // Russian archaeology. 1994, 1. P. 33—50.}

Кычанов 1966 — *Кычанов Е. И.* Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 269—281. {*Kuchanov E. I.* Jurchen people in 11th century (materials for an ethnographic study) // Siberian archaeological digest. Novosibirsk, 1966. P. 269—281.}

Лакоза 1971 — *Лакоза И. И.* Верблюды // Большая Советская энциклопедия. Т. 4. М., 1971. С. 524. {*Lakoza I. I.* Camels // Great Soviet Encyclopedia. Vol. 4. M., 1971. P. 524.}

Мусаев 1997 — *Мусаев К. М.* Небесные тела и небесная сфера // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997. С. 50—66. {*Musaev K. M.* Celestial objects and celestial sphere // Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Leksika. M., 1997. P. 50—66.}

Памятники 2004 — Памятники наскального искусства Центральной Азии / Ред. *Рогожинский А. Е.* Алматы, 2004. {Monuments of rock art of the Central Asia / Ed. *Rogozhinskij A.E.* Almaty, 2004.}

Потанин — *Потанин Г. Н.* Монголия // Энциклопедический словарь Русского биографического института Гранат. 11-е изд. Т. 29. М., б. г. Стлб. 279'. {*Potanin G. N.* Mongolia // Encyclopedical dictionary of the Russian biographical institute Granat. 11-e izd. Vol. 29. M., b.g. Stlb. 279'.}

Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {*Sevortian E.V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-turkic stems starting with vowels. M., 1974.}

Татаринцев 1984 — *Татаринцев Б. И.* О происхождении тюркского наименования неба (täŋri и его соответствия) // Советская тюркология. 1984, 4. С. 73—84. {*Tatarintsev B. I.* About the origins of the Turkic name for sky (täŋri and its correspondences) // Soviet turkology. 1984, 4. P. 73—84.}

Тенишев 1963 — *Тенишев Э. Р.* Саларский язык. М., 1963. {*Tenishev E. R.* The Salar language. M., 1963.}

Тенишев 1975 — *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1975. {*Tenishev E. R.* Build of the Salar language. M., 1975.}

Тенишев 1976а — *Тенишев Э. Р.* Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Советская тюркология. 1976, 1. С. 27—33. {*Tenishev E. R.* Reflection of dialects in the Turkic runic and Uigur monuments // Soviet turkology. 1976, 1. P. 27—33.}

Тенишев 1976б — *Тенишев Э. Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 164—172. {*Tenishev E. R.* On supradialectal character of the Turkic runic monuments' language // Turcologica. On account of A. N. Kononov's 70th anniversary. L., 1976. P. 164—172.}

Тенишев 1979 — *Тенишев Э. Р.* Язык древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. 1979, 2. С. 80—90. {*Tenishev E. R.* The language of Old Turkic and Middle Turkic monuments in its functional aspect // Issues in linguistics. 1979, 2. P. 80—90.}

Тенишев 1983 — *Тенишев Э. Р.* Огузские элементы в древнеуйгурском языке // Восточная филология. Вып. 5. Тбилиси, 1983. {*Tenishev E. R.* Oghuz elements in the Old Uyghur language // Oriental philology. Is. 5. Tbilisi, 1983.}

Тенишев 1988 — *Тенишев Э. Р.* Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Советская тюркология. 1988, 1. С. 67—78. {*Tenishev E. R.* Principles of compiling historical grammars and histories of literary Turkic languages // Soviet turkology. 1988, 1. P. 67—78.}

Тенишев 2005 — *Тенишев Э. Р.* История тюркских письменных литературных языков донациональной поры // Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921—2004. М., 2005. С. 78—91. {*Tenishev E. R.* History of the Turkic written literary languages of the pre-national period // Edgem Rahimovich Tenishev. Life and work. 1921—2004. M., 2005. P. 78—91.}

Тенишев 2006а — *Тенишев Э. Р.* Избранные труды. Кн. 1. Уфа, 2006. {*Tenishev E. R.* Selected works. Book 1. 2006.}

Тенишев 2006б — *Тенишев Э. Р.* Избранные труды. Кн. 2. Уфа, 2006. {*Tenishev E. R.* Selected works. Book 2. Ufa, 2006.}

Тенишев 2011 — *Тенишев Э. Р.* Избранные труды. Кн. 3. Уфа, 2011. {*Tenishev E. R.* Selected works. Book 3. Ufa, 2011.}

Хелимский 1986а — *Хелимский Е. А.* Происхождение древнетюркского чередования r~z и дилемма «ротацизма-зетацизма» // Советская тюркология. 1986, 2. С. 40—50. {*Helimskij E. A.* Origins of the Old Turkic r~z alternation and the dilemma of «rhotacism-zetacism» // Soviet turkology. 1986, 2. P. 40—50.}

Хелимский 1986б — *Хелимский Е. А.* Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика // Вопросы языкознания. 1986, 5. С. 67—78. {*Helimskij E. A.* Solving the dilemmas of Proto-Turkic reconstruction and the Nostratic studies // Issues in linguistics. 1986, 5. P. 67—78.}

Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. {*Helimskij E. A.* Comparative studies, Uralic studies. Lectures and articles. M., 2000.}

Шинехуу 1971 — *Шинехуу М.* Даривын эртний түрэг бичээс (Древнетюркские надписи Дарива) // Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудал (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. V, fasc. 10). Улаанбаатар, 1971. С. 134—145. {*Shinehuu M.* Darivyn ertnij türeg bichees (Old Turkic inscriptions of Darvi) // Mongolyn ertnij tuuh-sojolyyn zarim asuudal (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. V, fasc. 10). Ulaanbaatar, 1971. P. 134—145.}

Шинехуу 1976 — *Шинехуу М.* Тэсийн эртний түрэг бичээсийг дахин нягталсан нь (Новое исследование древнетюркской надписи на реке Тес) // Археологийн судлал (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. VII, fasc. 9). Улаанбаатар, 1976. С. 113—121. {*Shinehuu M.* Tesijn ertnij türeg bicheesijg dahin n'agtalsan n' (A new study of the Old Turkic inscription at Tes river) // Arheologijn sudlal (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. VII, fasc. 9). Ulaanbaatar, 1976. P. 113—121.}

Юдахин 1965 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965. {*Yudahin K. K.* Kirghiz-Russian dictionary. M., 1965.}

Jacobson, Kubarev, Tseevendorj 2001 — *Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D.* Mongolie du Nord-Ouést. Tsagaan Salaa / Baga Oigor // Repertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale, fasc. 6 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale, t. V, fasc. 6). Paris, 2001.

Ramstedt 1913 — *Ramstedt G. J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Société Finno-Ougrienne. T. XXX. Helsingfors, 1913. S. 1—9.

Ramstedt, Granö, Aalto 1958 — *Ramstedt G. J., Granö J. G., Aalto P.* Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei // Journal de la Société Finno-Ougrienne. T. 60. Helsinki, 1958. S. 1—91 (отдельный оттиск).

Tashbayeva 2001 — *Tashbayeva K.* Petroglyphs of Kyrgyzstan // *Tashbayeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z.* Petroglyphs of Central Asia. Bishkek, 2001. P. 9—89.

Иллюстрации

Рис. 1. Гора Дэл-ула. Общий вид камня с надписями, тамгами и изображениями. Фото Ю. Болдбаатара.

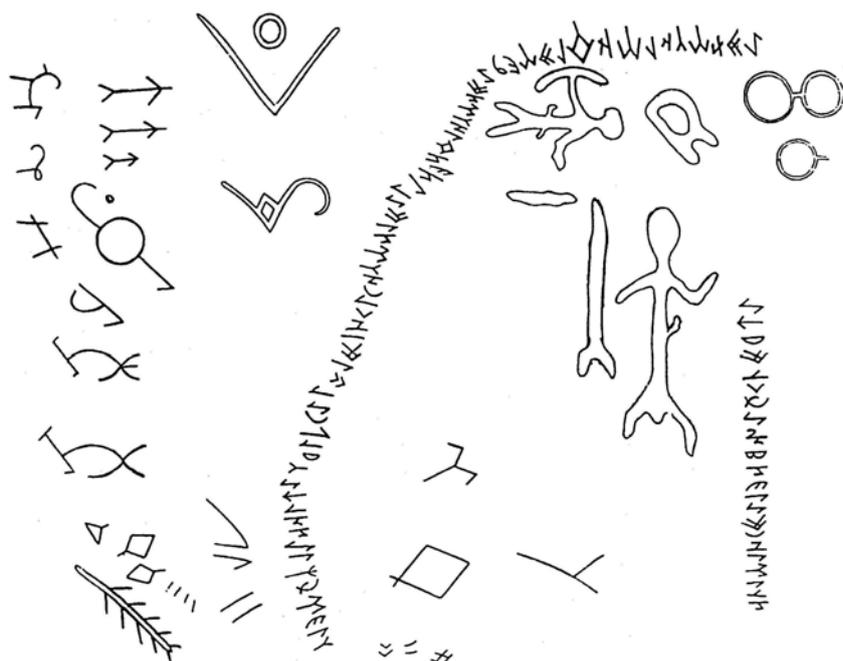

Рис. 2. Гора Дэл-ула. Изображения, надписи и тамги. Прорисовка Ю. Болдбаатара. Без масштаба.

Рис. 3. Гора Дэл-ула. Часть камня с тамгами. Фото Ю. Болдбаатара.

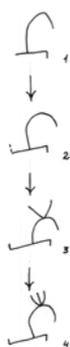

Рис. 4. Развитие тамг I типа:
1—3 — гора Дэл-ула,
4 — гора Дэл-ула и основан-
ные стелы Моюн-чура (760 г.)

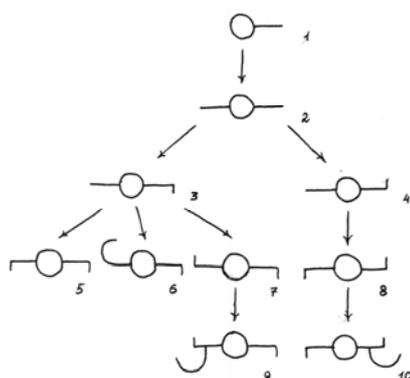

Рис. 5. Развитие тамг II типа: 1, 7 —
воссоздаваемые звенья, 2, 3, 6, 8, 9,
11, 12 — Ялбак-Таш, 4, 10 — Дэл-ула
и Гурван Мандал, 5 — Гурван Мандал

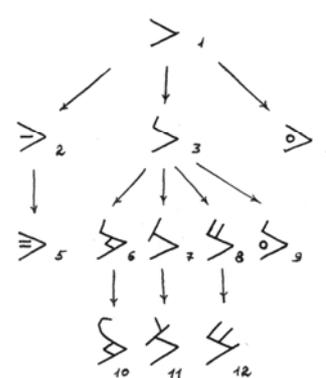

Рис. 6. Развитие тамг III типа: 1 — Тэс I,
2—4, 7, 8 — воссоздаваемые звенья,
5 — Шарбулак I, 6 — Дэл-ула, 9 — стела
Моюн-чура, 10 — Тэс I. Возможно,
знаки 1, 5 и 10 выбиты кверху ногами.

РЕЗЮМЕ

На горе Дэл-ула в Монголии находим нанесенные в три различных исторических периода начертания. Самые ранние - изображения, относящиеся к бронзовому веку. Кроме того, разновремененно, в Средние века были нанесены, во-первых, тамги трех семейств, датируемые VIII—IX вв., во-вторых, одним автором в IX—X вв. были нанесены две тюркские рунические надписи в алтайском изводе енисейского варианта алфавита. Содержание надписей можно рассматривать как манихейское; тогда можно считать, что в них говорится о покаянии воина, убивавшего животных на охоте, и о благодарении бога за избавление от болезней. В таком случае можно предполагать, что автор наскальных надписей был проповедником, знал известный сюжет о гибельной для пророка Мани дискуссии с шаханшахом Варахраном I в 276 г. и намеренно соединил в своих надписях две темы торжествующего манихейства — победившее врачевание и посрамленную военно-охотничью удачу. Написание слов *täjiri* и *altimış* выявляет диалектные (киргизские?) особенности местной речи.

SUMMARY

There are three chronological groups of inscriptions on the Del-ula mountain in Mongolia. Most ancient ones are from Bronze Age; beyond that, at the different times in Middle Ages were inscribed, firstly, three families' tamgas of the VIII—IXth

centuries; secondly, near them, a single author has put two runic inscriptions in the Altai variant of the Yenisei alphabet in the IX—Xth centuries. Their contents can be interpreted as Manichaeic; in this case, they tell about a repentance of a soldier having killed animals on hunting and about a gratitude to god for disposal of diseases. It can be further assumed that the author of the inscriptions was a preacher, who knew a common plot about the discussion (disastrous for the prophet Mani) between Mani and the shahanshah Varahran I in 276 and intentionally connected in his inscriptions the two subjects of the triumphing Manichaeism — the victorious doctoring and the humbled military or hunting valour. Spelling of the words *tāŋiri* and *altīmīš* manifests some dialect features of the local speech, possibly Kirghiz.

Ключевые слова: Монголия, тюркская рунология, енисейская эпитафия, наскальные надписи, тюркское манихейство, тамги VIII—IX веков, особенности местной речи IX—X вв.

Keywords: Mongolia, Turkic runology, Yenisei epigraphy, rock inscriptions, Turkic Manichaeism, tamgas of the VIII—IXth centuries, features of the local speech of the IX—Xth centuries.

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологии РАН (Москва); kyzlasovil@mail.ru

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); kyzlasovil@mail.ru